

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Направление: технологии информационных служб

РЕФЕРАТ

по дисциплине: «Международные отношения»

на тему: «Международные организации. Их история, характеристика (НАТО)»

студентка 1 курса магистратуры Элмурадова А.И.

ТАШКЕНТ 2011

Содержание

Введение

1. Как устроено НАТО
2. Цель НАТО
3. Основные исторические причины расширения НАТО
4. Преимущества расширения НАТО
5. Расширение НАТО как угроза безопасности России

Вывод

Введение

Организация североатлантического договора, НАТО (англ. North Atlantic Treaty Organisation) – военнополитический союз.

Создан на основе североатлантического договора, подписанного 4 апреля 1949 года в Вашингтоне двенадцатью государствами: США, Великобританией, Францией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Канадой, Италией, Португалией, Норвегией, Данией, Исландией. Позже к НАТО присоединились и другие европейские государства. На 2006 год в НАТО входит примерно 26 государств.

Высшим органом НАТО является Североатлантический совет, который состоит из представителей всех государств-членов в ранге послов и приводит свои заседания не менее одного раза в неделю под председательством Генерального секретаря НАТО. Североатлантический совет также проводит свои встречи, как на уровне министру иностранных дел, так и глав государств и правительств, однако формально эти встречи имеют такой статус, как и еженедельные. Решения совета принимаются единогласно. Высшим органом военной организации блока с декабря 1966 года стал Комитет военного планирования, который собирается дважды в год на свои сессии на уровне министров обороны, хотя формально и состоит из постоянных представителей.

К основным органам НАТО относится также Группа ядерного планирования, проводящая свои заседания обычно дважды в год на уровне министров обороны. Один из важных органов НАТО является Военный комитет, состоящих из начальников генеральных штабов стран – членов НАТО и гражданского представителя Исландии, не имеющей вооруженных сил, и собирающийся не реже двух раз в год на свои заседания. Военный комитет имеет в своем подчинении командования двух зон: Европы и Атлантики. Верховное главное командование в Европе возглавляется верховным главнокомандующим (всегда – американским генералом). В его подчинении находятся главные командования на трех европейских театрах военных действий: Североевропейском, Центральноевропейском, Южноевропейском.

Официальные языки НАТО – английский и французский. Штаб-квартира совета НАТО находится в Брюсселе (Бельгия). В настоящее время

страны бывшего социалистического лагеря предпринимают активные действия по вступлению в НАТО.

1. Как устроено НАТО

НАТО – это межправительственная организация, не имеющая наднациональных функций. Она может делать только то, против чего не возражает ни один ее член. Как межправительственная структура, она имеет в своем распоряжении очень небольшое число военного и гражданского персонала – примерно 12 тысяч человек. Это меньше общего количества дипломатических работников в национальных миссиях при НАТО. По уровню административной нагрузки, то есть, соотношению количества людей, работающих на НАТО как организацию, и количества людей, определяющей деятельность НАТО в национальных правительствах и дипломатических миссиях, НАТО – очень эффективная организация. Для сравнения: в центральных странах ЕС только число переводчиков составляет порядка 10 тысяч человек.

Основные решения НАТО готовятся и принимаются в комитетах, которые состоят из членов национальных делегаций. Это и есть ядро Альянса как международного клуба. Работа межнациональных комитетов поддерживается гражданским персоналом (международными чиновниками), которые подчинены Генеральному Секретарю, и интегрированной командной структурой, которая управляется Военным Комитетом НАТО. Довольно точным является определение НАТО как международного клуба с военными инструментами. При этом доля военных сил, которые в случае войны должны передаваться под общее командование, значительно уступает количеству сил, остающихся под национальным контролем. В мирное же время число военных сил, подчиненных центральному командованию, ничтожно мало – всего несколько тысяч военных. То же самое можно сказать об общих бюджетах - они мизерны по сравнению с суммарным объемом военных расходов стран-членов.

Как и любой клуб, НАТО не имеет политики, а только лишь правила членства. То, что воспринимается как политика НАТО, - не более, чем равнодействующая политик стран-членов. Анализировать и предсказывать

эту условную политику без анализа и прогноза политик отдельных членов Альянса не имеет никакого практического смысла.

Ниже представлена информация о структурных и основных элементах НАТО.

Североатлантический совет (САС) обладает реальной политической властью и правами принятия решений. В него входят постоянные представители всех государств-членов, которые проводят свои заседания не реже одного раза в неделю. Сессии Совета НАТО проводятся также и на более высоких уровнях – министров иностранных дел, министров обороны и глав правительств, но при этом его полномочия и права принятия решений остаются прежними, а решения имеют один и тот же статус и юридическую силу независимо от уровня представительства.

Каждое правительство представлено в Североатлантическом совете постоянным представителем в ранге посла. Все постоянные представители опираются в своей работе на политический и военный персонал или сотрудников представительства при НАТО, численность которых может быть разной у разных стран.

Заседание Совета НАТО в составе постоянных представителей часто называется «постоянной сессией Североатлантического совета». Два раза в год, а иногда и чаще, проводятся Заседания Североатлантического Совета на уровне министров, когда каждая страна НАТО представлена министром иностранных дел.

Встречи на высшем уровне с участием глав государств и правительств (саммиты) проводятся при необходимости решения особо важных вопросов или в поворотные моменты развития НАТО.

Постоянные представители действуют согласно инструкциям из своих стран, сообщая и разъясняя своим коллегам по совету взгляды и политические решения своих правительств. Кроме того, они докладывают руководству своих стран о точках зрения и позициях других правительств, сообщают о новых событиях, процессе формирования консенсуса по тем или иным важным вопросам или расхождениях в позициях отдельных стран в какихто областях.

Решения о каких-либо действиях принимаются на основе единства мнений и общего согласия. В НАТО нет процедур голосования или принятия решений большинством голосов. Каждая страна, представленная на

заседаниях Совета НАТО или в любом из подчиненных ему комитетов, полностью сохраняет независимость и всецело несет ответственность за свои решения.

Работа Совета готовится подчиненными комитетами, отвечающими за конкретные направления политики.

Комитет военного планирования (КВП) обычно работает в составе постоянных представителей, однако не реже двух раз в год его заседания проводятся на уровне министров обороны. Он занимается решением большинства военных вопросов и задач, относящихся к планированию коллективной обороны. В этом комитете представлены все государства-члены Североатлантического союза, кроме Франции. Комитет военного планирования направляет деятельность руководящих военных органов НАТО. В пределах сферы своей ответственности он выполняет те же функции и обладает такими же правами и полномочиями, что и Североатлантический совет. Работа Комитета военного планирования готовится рядом подчиненных комитетов, имеющих конкретную сферу ответственности.

Министры обороны стран НАТО, которые участвуют в работе Комитета военного планирования, проводят регулярные заседания в рамках Группы ядерного планирования (ГЯП), где они обсуждают конкретные вопросы политики, связанной с ядерными силами. Эти совещания охватывают широкий круг вопросов политики в сфере ядерного оружия, в том числе вопросы обсуждения безопасности, охраны и живучести ядерного оружия, систем связи и информации, развертывания ядерных сил, а также более широких вопросов, вызывающих общую озабоченность, таких как контроль над ядерным оружием и распространение ядерного оружия. Работы Группы ядерного планирования поддерживаются штабной группой ГЯП. Работа указанных комитетов поддерживается множеством вспомогательных структур.

Постоянные представители и национальные делегации. Каждая страна НАТО представлена в Североатлантическом совете послом или постоянным представителем, который опирается в своей работе на национальную делегацию, состоящую из советников и должностных лиц, представляющих свою страну в различных комитетах НАТО. Эти делегации во многом напоминают небольшие посольства. То обстоятельство, что они во многом находятся в одном и том же здании штаб-квартиры, позволяет им легко и быстро контактировать на официальном и неофициальном уровне друг с

другом, а также с сотрудниками международных секретариатов НАТО и представителями государств-партнеров.

Генеральный секретарь НАТО является видным международным государственным деятелем, которому правительства государств-членов НАТО доверили быть председателем Североатлантического совета, Комитета военного планирования и Группы ядерного планирования, а также номинальным председателем других главных комитетов НАТО. Он занимает пост Генерального секретаря и главного исполнительного должностного лица НАТО. Кроме того, генеральный секретарь является председателем Совета евро-атлантического партнерства и Группы средиземноморского сотрудничества, сопредседателем (совместно с представителем России и представителем страны НАТО, исполняющим обязанности почетного председателя) Совместного постоянного совета НАТО-Россия.

Международный секретариат. Работа Североатлантического совета и подчиненных ему комитетов осуществляется с помощью Международного секретариата. В его состав входят сотрудники из различных государств-членов, принимаемые на работу непосредственно НАТО или командированные правительствами соответствующих стран.

Сотрудники международного секретариата подчиняются генеральному секретарю НАТО и сохраняют верность организации в течение всего срока своего пребывания в должности.

Военный комитет отвечает за планирование коллективных военных операций и проводит регулярные заседания на уровне начальников генеральных штабов (НГШ). Исландия, у которой нет вооруженных сил, представлена на таких заседаниях гражданским должностным лицом. Франция имеет специального представителя. Комитет является высшим военным органом НАТО, работающим под общим политическим руководством Североатлантического совета, КВП и ГЯП.

Повседневная работа Военного комитета ведется военными представителями, выступающими от имени начальников своих генеральных штабов. Военные представители обладают достаточными полномочиями, позволяющими Военному комитету выполнять свои коллективные задачи и оперативно принимать решения.

Военный комитет на уровне начальников генеральных штабов (НГШ) обычно собирается на заседания три раза в год. Два из таких заседаний Военного комитета проходят в Брюсселе, а одно проводится на основе ротации в других странах НАТО.

Международный военный штаб (МВШ) возглавляется генералом или адмиралом, который отбирается Военным комитетом из числа кандидатов, выдвигаемых государствами-членами НАТО на пост начальника Международного военного штаба (МВШ). Под его руководством МВШ отвечает за планирование и оценку политики по военным вопросам и внесение соответствующих рекомендаций на рассмотрение Военного комитета. Он также следит за надлежащей практической реализацией политики и решений Военного комитета.

Командная структура. В состав новой командной структуры входят два военных командования стратегического уровня. Первое – Объединенное оперативное командование – Allied Command Operation (ACO), которому подчинены все оперативные командования – располагается в штабе Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе возле г.Монс и отвечает за оперативную деятельность. Объединенное оперативное командование занимается разработкой требований относительно проведения краткосрочных операций. На оперативном уровне действуют два постоянных Объединенных командования сил (JFCs) в Италии и Нидерландах, которые формируют сухопутные штабы Многонациональных объединенных оперативно-тактических сил (МООТС). Существует также менее численный, однако высокоэффективный постоянно действующий объединенный штаб Португалии (JHQ), на базе которого могут создаваться военно-морские штабы МООТС. По тактическому равные из тринадцати сохраняются шесть штабов, призванных осуществлять управление большими смешанными соединениями.

Второе – командования ОВС НАТО по вопросам трансформации – Combined Joint Task Force (ACT), созданное вместо штаба Верховного главнокомандующего ОВС НАТО на Атлантике отвечает за функциональную реорганизацию Альянса. Оно сосредоточит свое внимание на долгосрочном формировании сил. Основное внимание будет отводиться повышению взаимодействия сил НАТО и постепенному сокращению

трансатлантического разрыва в потенциалах за счет обмена последними разработками и результатами исследований в сфере новых концепций ведения Военных действий. Командования НАТО по вопросам трансформации будет заниматься разработками концепций и доктрин, подготовкой и проведением экспериментов, опеределением требований для вооруженных сил в будущем, осуществлением контроля за военным образованием и боевой подготовкой, а также разработкой и оценкой требований относительно взаимодействия подразделов и их реорганизации. Командования по вопросам трансформации станет средством синхронизации в рамках национальных программ и развития вооруженных сил относительно создания более эффективных объединенных боевых структур и будет оказывать содействие повышению взаимодействия, которое в конечном счете может обеспечить надежное и гибкое выполнения новых задач при проведении коалиционных действий относительно противостояния новым угрозам.

2. Цель НАТО

Цель НАТО, согласно официальным документам альянса, заключается в коллективной обороне своих государств-членов, что образует основу для сохранения мира и обеспечения безопасности в будущем, однако, после перемен, произошедших в Европе в девяностые годы, НАТО считает себя основой процесса расширения безопасности и стабильности в Европе в целом.

Инструментом этого называются: процесс расширения членства в организации; придание новой формы военным структурам НАТО для выполнения новых функций в области управления кризисными ситуациями, миротворчество и поддержание мира в европейско-атлантическом регионе; более активное участие европейских стран в деле обеспечения безопасности.

В 90-е годы НАТО установило партнерские отношения со многими странами, не входящими в НАТО, с декларируемой целью создания более открытой Европы, где сведены к минимуму недоверие и отсутствие взаимопонимания.

Главным в этом деле является программа, партнерство ради мира, способствующая развитию сотрудничества между союзниками по НАТО и

26-ю государствами-партнерами, в рамках которой проводится широкий круг мероприятий, связанных с обеспечением безопасности.

Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП), в который входят 46 стран, включая государства член НАТО, образует политическую основу ПрМ и является форумом для обсуждения вопросов, связанных с безопасностью. Главы государств и правительств 46 стран провели сессию СЕАП на высшем уровне в Вашингтоне, на следующий день после встречи на высшем уровне НАТО.

3. Основные исторические причины расширения НАТО

Основные исторические причины расширения НАТО состоят в следующем:

а) Кризис идентичности альянса и угроза его единству в начале 1990-х годов. Поворот советской внешней политики на 108 градусов, развитие системы соглашений по контролю над вооружениями, а затем и исчезновение одного из полюсов биполярной системы привели к тому, что исходная миссия НАТО, зафиксированная в Вашингтонском договоре 1949 г., - коллективная защита от внешней угрозы – перестала оправдывать существование альянса. НАТО все больше рассматривалась как инструмент поддержания американского военного присутствия в Европе, необходимость которого подвергалась сомнению влиятельными политическими силами во Франции, Германии, Италии и самих США. В начале 1990-х годов усилия прежде всего Франции по формированию западноевропейской оборонной идентичности на основе ЗЕС и франко-германского военного корпуса, казалось, создавали реальную альтернативу НАТО. Одновременно Париж и ряд других столиц стран-членов НАТО настаивали на назначении представителя группы средиземноморских стран командующим южным флангом вооруженных сил альянса ослабляла ее авторитет в Североатлантическом совете, в котором складывалось неблагоприятное для Вашингтона и Лондона соотношение сил. Создавалось впечатление, что НАТО как бюрократический институт и сообщество военно-политических элит оказалась под угрозой тихого отмирания или распада на полусамостоятельные единицы. В этой обстановке нестабильность посткоммунистического пространства и стремление проамерикански

настроенных правительств Центральной и Восточной Европы по вступлению в альянс, давали сторонникам сохранения военного присутствия США в Европе и брюссельским чиновникам последнюю возможность оказаться востребованными историей, а заодно изменить конфигурацию сил в альянсе в свою пользу. Отсюда алармистский заголовок одной из полемических статей З.Бжезинского: «Расширение или смерть».

б) Противоречия по стратегическим вопросам внешней политики внутри американского общества. Среди частных проявлений общего кризиса внешнеполитической и оборонной идентичности западного мира, вызванного исчезновением противника, нарастание разногласий внутри американской элиты, было, пожалуй, наиболее знаменательным и чреватым серьезными последствиями для всей конструкции. При этом наиболее далеко идущая стратегическая альтернатива статусу была связана с подъемом неизоляционистских настроений в элите и в обществе. Изоляционизм – крайне полемический термин, который либерально-интернационалистская пресса в США нередко использует как ярлык для шельмования противников, поэтому многие общественные деятели, склоняющиеся по тем или иным вопросам к неизоляционистской позиции, были вынуждены обороняться от упреков в изоляционизме. В российской литературе это понятие лишено негативного публицистического заряда, что делает оправданным его расширительное использование. В действительности, американский изоляционизм ни в прошлом, ни в настоящем не являлся какой-то утопической программой полного неучастия в международной политике. Неоизоляционисты и близкие им по духу силы выступали против участия американских войск в каких-либо операциях, в особенности многосторонних, если они не связаны непосредственно с защитой национальных интересов, за сведение к необходимому минимуму и во всяком случае нерасширение союзнических обязательств, в особенности в Европе и на Ближнем Востоке. Применительно к неоизоляционизму начала 1990-х годов в основном следует говорить не о сколько-нибудь четко выраженной идеологии и программе действий (хотя принципиальные изоляционисты, такие, как сенатор Дж.Эшкрофт, эксперты Института КАТО во главе с Т.Г. Карпентером или известный республиканский политик П.Бьюкенен, выступали, наряду с другими силами, в качестве оппонентов расширения НАТО), а в первую очередь о широко распространенном в американском обществе начала 1990-х годов прагматическом настроении на минимизацию военно-силового вмешательства за пределами зоны национальных интересов, на сокращение помощи иностранным государствам (прежде всего Израилю и

проамериканским режимам в арабском мире), на сведение внешней политики к реализации чисто экономических интересов. Именно этой настрой на сосредоточение национальных ресурсов внутри страны отразился в ходе президентских выборов 1992 г., когда поддержанный транснациональной внешнеполитической элитой Дж.Буш сперва понес чувствительные потери в борьбе с неоизоляционистами в собственной партии, а затем и уступил президентство Биллу Клинтону, отдававшему в своей программе приоритет решению внутренних экономических задач перед международной проблематикой.

Дальнейшее развитие этих тенденций, наряду со стремлением значительной части конгрессменов к сокращению внешнеполитических и оборонных расходов федерального бюджета, угрожало маргинализацией значительной части внешнеполитической элиты США, этнически, культурно и экономически завязанной на Европу, отмиранием ряда трансатлантических институтов, функционально предназначенных для ведения «холодной войны». Видя, что администрация Клинтона колеблется в выборе внешнеполитического курса, сторонники сохранения и укрепления «трансатлантической оси» решили во избежание худшего перейти в контрнаступление, опираясь на электоральную базу поддержки, обещанную им лидерами восточноевропейского этнического лобби.

в) Дефицит легитимности нового общественного строя в странах Центральной и Восточной Европы. Экономические и социальные потрясения 1990-1993 гг., связанные с использованием методов шоковой терапии, привели к поражению правых реформаторских правительств на парламентских выборах в Венгрии и Польше. Между тем Европейский Союз был явно не готов идти на экономические жертвы ради интеграции «бедных родственников». Прежний «железный занавес» плавно превращался в экономический водораздел между богатыми и бедными европейцами. Именно внутренняя системная нестабильность, порожденная историческими причинами, периферийным статусом в мировой системе и ожиданиями экономических чудес в связи с реформами, а отнюдь не «имперский синдром» России, стали источником угроз, подтолкнувших элиты этих стран (как, кстати, и российских политиков) к сближению с НАТО.

г) Рост влияния восточноевропейских лобби в американской политике. Лидеры восточноевропейских общин воспользовались идеалистическим восприятием революций 1989 г. для повышения своего статуса в американской политике. Принятие США союзнических обязательств по

отношению к восточноевропейцам должно было стать институциональной гарантией сохранения и упрочения этого статуса. Важную роль в его борьбе за расширение НАТО сыграл Польско-американский конгресс (Поламкон), имевший мощного союзника в лице З.Бжезинского. В 1992 г. польское лобби, как и лидеры других общин католического вероисповедания, оказали поддержку Биллу Клинтону в борьбе за выдвижение кандидатом в президенты от демократической партии против ставленника греческой общины П.Тсонгаса, а затем и в ходе президентских выборов против Дж.Буша, что сообщало дополнительную легитимность их притязаниям на право голоса в принятии внешнеполитических решений.

Осенью 1993 г., после известных выступлений президента Ельцина в Варшаве и Праге, Поламкон, в союзе с З.Бжезинским, развернул агрессивную публичную кампанию за скорейшее принятие восточноевропейцев в НАТО, в течение нескольких месяцев, осуществив качественный сдвиг в сознании политической элиты, для которой вопрос о дальнейшей судьбе альянса до той поры находился на периферии. В этот критический момент активность поляков в принципе могла бы быть уравновешена согласованными действиями оппонентов расширения на Западе и Востоке. Эта коалиция, однако, так и не сложилась – отчасти вследствие противоречивости сигналов, исходивших их официальных российских дипломатических источников. Между тем Поламкон уже в декабре 1993 г. организовал в свою поддержку мощный лоббистский фронт – Центрально- и восточноевропейскую коалицию (ЦВЕК) в составе 19 объединений, многие из которых ранее никогда не участвовали в американской политике или вообще никак не заявляли о себе ни до, ни после (например, Комитет белорусского конгресса Америки). Вопрос о том, в какой мере Поламкон и его союзники по так называемой Центрально- и восточноевропейской коалиции в действительности управляли примерно 15 млн. голосов своих этнических групп, остается весьма спорным.

е) Изменение отношения к России в западных обществах. Возникновение негативного образа России на Западе было немаловажным сопутствующим фактором, который усиливал действие основных движущих сил натовской экспансии. Возможности Москвы в период перестройки влиять на внутривнутриполитические процессы в странах НАТО были исторически связаны с идеалистическим настроением и системой ценностей значительной части западного общественного мнения. В момент смены системы ценностей этот дипломатический ресурс был утрачен. Многие из тех на Западе, в том числе и в элите, кто относился с определенным доверием к горбачевской России,

явно или подспудно не приняли Россию ельцинскую. Среди американских либералов, ранее имевших твердую репутацию противников глобального интервенционизма, но активно поддерживавших расширение НАТО, были такие влиятельные политики, как сенатор Э.Кеннеди. Среди высокопоставленных чиновников клинтоновской администрации, эволюционировавших вправо под воздействием перемен на востоке, упомянем помощника президента по национальной безопасности Э.Лейка, который в 1970 г. ушел из администрации Р.Никсона в знак протеста против бомбардировок Камбоджи, а в 1993 г. оказался ведущим идеологом кампании по расширению НАТО.

4. Преимущества расширения НАТО

По словам статьи Крег Грейг, который был главой отдела политического планирования и Роналда Асмуса – заместителем помощника госсекретаря по европейской политике, в газете Вашингтон Пост от 19 февраля 2007 г., где по их словам, что речь президента России Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. заставила некоторых вернуться к своим доводам против расширения НАТО. Это было неблагоразумно и привело к той национальной политике, которая сейчас исходит от Москвы.

Расширение НАТО было плохой идеей, так как оно вызвало гнев России и заставило россиян выбрать президентом бывшего офицера КГБ и ветерана холодной войны.

Крег Грейга и Роналда Асмуса приводят три аргумента за расширение НАТО, и каждый из них по их словам оказался справедливым, вот эти аргументы.

Во-первых, расширение НАТО было призвано обеспечить щит безопасности, за которым страны Центральной и Восточной Европы могли бы похоронить свои старые конфликты и мирно интегрироваться с Западом. Взяв на себя роль руководителя расширения, НАТО способствовало и расширению Евросоюза. В результате Европа стала наиболее демократичной, мирной и безопасной, чем когда-либо. Выиграли от этого все – американцы, европейцы, русские. Угроза, которую сейчас ощущает Россия, исходит не с запада, а с юга и востока. Действительно, для Москвы западные границы

сейчас более безопасны и надежны, чем когда бы то ни было со времен Наполеона.

Во-вторых, расширенное НАТО является страховкой от того, что Россия с течением времени может снова стать региональным пугалом или угрозой. Именно такая опасность сейчас просматривается, однако для стран Центральной Европы есть хорошая новость: теперь, вступив в ЕС и НАТО, они в безопасности. Вообразите себе, что сейчас представляла бы собой Центральная Европа, если бы альянс оставался в прежних рамках: главы стран Центральной и Восточной Европы уделяли бы больше времени попыткам устоять под давлением России, чем созданию демократических институтов и управлению жизнеспособной экономикой свободного рынка. Отношения с Польшей и странами Прибалтики были бы похожи на те проблемные отношения, которые сейчас связывают Россию с Украиной и Грузией. У нас снова была бы нестабильность в сердце Европы, причем в тот момент, когда нам это нужно меньше всего.

Третья причина для расширения НАТО была стратегической и более масштабной. В тот момент президент США Билл Клинтон говорил о желании помочь Европе разрешить внутриконтинентальные конфликты и о своих надеждах, что это поможет европейцам расширить геополитические перспективы и взять на себя больше ответственности, став партнерами США в борьбе с угрозами за пределами Европы. Неужели кто-то сомневается, что именно в этом возникла потребность после 11 сентября 2001 года? Разве были бы сегодня войска НАТО в Афганистане и разве шла бы речь о более глобальных миссиях, если бы мы не помогли создать стабильную систему безопасности после холодной войны в Европе в 1990-х? Если бы не была сегодня стабильна, было бы гораздо тяжелее уговорить наших союзников принять участие в миссиях в Афганистане и на Ближнем Востоке.

По словам авторов статьи, если Запад ничего не получил от расширения НАТО, значит не видеть за деревьями леса. Хотя многие из новых членов НАТО все еще беднее, чем страны Западной Европы, но их вклад в альянс в расчете на душу населения больше, чем вклад большинства западноевропейских союзников. Страны Центральной и Восточной Европы являются демократическими, стабильными и благополучными государствами. Они добились такого прогресса именно благодаря тому, что смогли покинуть советскую орбиту и стать частью Европы. Мечта о вступлении в НАТО и возвращении в европейскую семью объединила людей и помогла им плечом к плечу выступить в поддержку серьезных реформ,

которые были успешно осуществлены только потому, что они являлись ценой вступлению в НАТО. И сегодня у них есть необходимая уверенность и ресурсы для противостояния растущему национализму России.

По существу, благодаря расширению НАТО мы получили гораздо больше, чем чешский флот. Мы получили объединенную и свободную Европу. Мы получили альянс, который лучше приспособлен к тому, чтобы защищать нас от угроз будущего, - как раз потому, что мы похоронили столько призраков прошлого. Это довольно удачная сделка.

5. Расширение НАТО как угроза безопасности России

Если авторы статьи говорят об удачной сделке, то почему в таком высокомерном тоне, и почему, начиная с 1993 г., расширение Североатлантического альянса на восток образует одной из ведущих сюжетных линий в отношениях между Россией и Западом, формировании российской внешней политики в целом, в борьбе идей и политических течений по вопросу о военно-стратегической ориентации России и, в конечном счете, о ее цивилизационной принадлежности. При этом история дискуссий о расширении НАТО свидетельствует, о глубоких различиях в восприятии проблемы российскими и западными наблюдателями. В России официальные лица и большинство вовлеченных в «реальную политику» экспертов рассматривали расширение как консолидированную стратегию Запада (или, по крайней мере, американских элит) и пытались либо воздействовать на ситуацию ничем не подкрепленными угрозами, либо ограничить ущерб договоренностями с НАТО по вопросам частного характера – тем самым, демонстрируя как сторонникам, так и противникам экспансии на Западе свое фактическое признание ее неотвратимости.

Между тем расширение НАТО на восток отнюдь не было неизбежным. К началу его обсуждения перспектива роспуска НАТО была, по меньшей мере, столь же вероятной, сколь и его расширение.

Так или иначе, но в 1990-е годы мир стал свидетелем борьбы между сторонниками и противниками расширения НАТО, первый этап которой завершился победой сторонников экспансии, обнажив при этом глубокие противоречия как между Западом и Востоком, изменившими свои геополитические очертания, так и внутри самой западной элиты по вопросу о

будущем мироустройстве. Но 12 марта 1999 г. идея, еще недавно казавшаяся многим на Западе бессмысленной, бесперспективной и опасной все-таки осуществилась. Бывшие члены Организации Варшавского Договора (ОВД) Польша, Чехия и Венгрия стали членами НАТО. Между тем уже две недели спустя Североатлантический альянс, теперь уже в составе 19 государств, в нарушение Устава ООН и всего международно-правового порядка, совершил нападение на Союзную Республику Югославию (СРЮ). Стало ясно, что российская дипломатия и экспертно-политическое сообщество, до сих пор дебатировавшие частный вопрос расширения альянса, упустили из виду формирование идеологии и стратегических планов куда более обширной и далеко идущей экспансии.

Война на Балканах и принятие Новой стратегической концепции НАТО обозначили коренную перемену в существующей структуре глобальной политики. Впервые за всю постколониальную историю военно-политическая ситуация в мире определяется экспансией военного блока самых богатых и процветающих государств, которому не существует определенного и значительного противовеса в виде других блоков и организаций. Свое бессилие и все большую оригинальность по отношению к НАТО продемонстрировала Организация Объединенных Наций, не говоря уже о других международных институтах. Утвердилась фактическая монополия НАТО в вопросах европейской безопасности. Наконец, расширение НАТО в сочетании с балканской войной обозначило смену вех в российской внутренней политике: впервые за долгое время оно создало почву для общенационального консенсуса, по крайней мере, по одному стратегическому вопросу, и притом на условиях, приемлемых и благоприятных для правящей элиты.

Каковы причины расширения альянса и его последствия для России, Европы и мира? Как может Россия обеспечить свою национальную безопасность в этих условиях? К этим вопросам можно подойти с разных профессиональных и мировоззренческих точек зрения, при этом независимо от выбранного подхода представление о существующих направлениях теоретического анализа является необходимым условием рационального осмысления проблемы. В конечном счете, восприятие проблемы расширения НАТО и выработка конкретных рекомендаций в этой связи упрутся в вопрос о том, что собой представляет альянс и какие силы определяют ее нынешнюю эволюцию. К примеру, с точки зрения теорий классического и структурного реализма, которые господствовали на Западе в течение многих десятилетий, полноправными субъектами международных отношений

выступают лишь суверенные государства, руководствующиеся четко определенными национальными интересами и заключающие между собой временные союзы для их реализации. В рамках этой парадигмы НАТО является союзом отдельных государств. По убеждению признанных авторитетов реалистической школы, после исчезновения советской угрозы НАТО был обречен на распад как альянс, утративший свою оборонительную функцию, а его сохранение и тем более экспансия дают основание российским «реалистам» считать, что подлинные интересы его участников, и прежде всего США, являются по своей сути захватническими.

Несколько более адекватным исторической реальности представляется институциональный подход, рассматривающий НАТО как пример самодовлеющей системы бюрократических учреждений, созданных для обеспечения интересов стран-участниц, но за прошедшие десятилетия вполне обособившихся и преследующих собственные корпоративные интересы. В числе этих интересов – сохранение и увеличение рабочих мест, структурных подразделений и источников финансирования, повышение своего международного «рейтинга», ослабление потенциальных конкурентов в деле обеспечения международной безопасности (таких как ООН, СБСЕ или Договор о коллективной безопасности, заключенный в рамках СНГ). Экспансия НАТО по всем направлениям отражала жизненные интересы брюссельской бюрократии в большей степени, чем национальные интересы отдельных членов альянса (поэтому и попытки российских представителей вести дискуссии по этому вопросу непосредственно с натовскими чиновниками были заведомо бесплодной тратой времени). Вместе с тем, в силу материальной зависимости от бюджетных голосований в парламентах 16 суверенных государств и будучи подконтрольна правительствам стран-участниц, НАТО как бюрократический институт не может рассматриваться в качестве полностью автономного и тем более основного игрока в ходе экспансии (хотя ориентация российской дипломатии на «особые» двусторонние отношения с альянсом как с единым целым, увенчавшаяся созданием Совместного постоянного совета (СПС), позволила брюссельским чиновникам в значительной степени замкнуть на себя диалог между Россией и НАТО).

Это подводит нас к еще одной системе теоретических представлений, согласно которой субъектами международной политики являются не государства или организации вообще, а люди, воздействующие на процесс принятия решений, результат которого, соответственно, определяется соотношением сил и интересов между участниками этого процесса внутри

государственных институтов и международных организаций. С точки зрения демократических стандартов, международная проблематика вообще не может анализироваться обособленно от взаимоотношений внутриполитических сил в обществе, отстаивающих различные, порой диаметрально противоположные представления о «национальных интересах» в процессе выработки и лоббирования конкретных внешнеполитических решений. В этой связи наиболее продуктивным оказывается рассмотрение НАТО как сообщества определенной части европейских и американских элит и групп интересов (к их числу относятся и влиятельные брюссельские чиновники, однако по степени своего влияния на процесс они существенно уступают вашингтонскому истеблишменту), а действий и эволюции этого альянса – как отражения внутриполитических процессов в отдельных странах. При таком понимании проблема натовской экспансии вписывается в контекст внутриполитического развития отдельных государств (прежде всего США как безусловного гегемона НАТО, обладающего наибольшей автономией в процессе выработки внутриполитического курса, а также восточноевропейских стран и России), определяющийся превратностями взаимоотношений между конкретными политическими силами. Это, в свою очередь, позволяет расстаться с фаталистической безальтернативностью, которой до последнего времени была отмечена значительная часть российских дискуссий вокруг расширения НАТО.

Более конкретно, избранный подход строится, во-первых, на представлении о том, что расширение альянса, как и любое событие такого масштаба, имеет свои исторические причины и динамику развития; во-вторых, что оно представляет собой политический процесс выработки и принятия решений, с элементами публичной дискуссии, который на различных этапах был открыт для воздействия извне, в том числе и со стороны России; и, в-третьих, на предположении, что основные причинно-следственные связи в этой истории, а также инструменты воздействия на них находятся в сфере внутренней политики ведущих стран, так или иначе вовлеченных в процесс экспансии – прежде всего США, и самой России.

Вывод

Существует достаточно оснований для того, чтобы оценивать расширение альянса как реальную угрозу и с военно-стратегической, и с

политической, ис культурно-цивилизационной точек зрения. Неочевидность для ряда экспертов и политиков военной угрозы со стороны НАТО связана с ее динамическим характером, под которым в данном случае имеется в виду нарастание агрессивности альянса по мере изменения его состава и перегруппировки элит в результате победы сторонников более жесткой наступательной стратегии над «голубями». Хотя высшее руководство НАТО или его отдельных членов в данный момент не рассматривает ведение каких-либо военных действий против России, будь то ядерными или конвенциональными силами, в качестве реалистического сценария, демонстрация воинственных намерений на более низком уровне, особенно государствами восточного и южного фланга, представляет собой самостоятельную угрозу для России, поскольку воздействует на психологически уязвимые элитные группы, утратившие иммунитет к различным формам шантажа и силового давления как внутри страны, так и вовне.

Список используемой литературы:

1. Геополитика. Учебник под редакцией профессора В.И. Староверова, четвертое издание переработанное и дополненное. Издательство ЮНИТИ, Москва – 2007г.
2. Московский центр Карнеги – www.carnegie.ru
3. Преимущества расширения НАТО – www.inopressa.ru
4. Организация североатлантического договора – www.wikipedia.ru
5. Официальный сайт НАТО – www.nato.int
6. Тихонравов Ю.В/ Геополитика: Учебное пособие. — М.: ИНФРА-М, 2000. -269 с. — (Серия «Высшее образование»).

7. А. Дугин/ ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. - Издательство: АРКТОГЕЯ-центр, 2000 г. – 928 с.
8. Фукуяма Ф. Падение истории и последний человек/ Ф.Фукуяма. - ООО "Издательство АСТ", 2004 год. – 253 с.
9. Бжезинский З. Великая шахматная доска/ З.Бжезинский. – 122 с.